

письмом: малоазийские письма несколько дальше отошли от финикийского, чем греческое; правда, карийское письмо в ряде пунктов более архаично, более близко финикийскому, чем греческое). Именно малоазийцы, продолжает свое изложение Фридрих, и изобрели, по мнению некоторых ученых, способ обозначения гласных особыми буквами (заметьте, что в малоазийских алфавитах больше гласных, чем в греческих; правда, в малоазийских алфавитах нет долгих гласных).

И к этому положению Фридрих не высказывает своего отношения, ограничившись замечанием, что материала здесь недостаточно.

Далее Фридрих переходит к рассмотрению греческих алфавитов по группам, ограничиваясь здесь изложением наиболее существенных фактов. Он отмечает, в частности, что глухой свистящий передавался в древнейших греческих алфавитах не через *sigma*, но через М (заметьте, что в наиболее архаичных малоазийских алфавитах — карийских — этот звук передается точно таким же образом, причем под *м* использован знак *М*).

Выделив в одну группу архаичные алфавиты Крита — Феры — Мелоса, Фридрих включает во вторую группу восточные греческие алфавиты. В этой группе использовались буквы *Phi* *phi* и *Chi* *chi* (интересно, что *Chi* в карийском и других алфавитах Малой Азии использовался как впрочем и *Phi*, который, однако, в карийском появляется поздно: это соответствует отсутствию *Phi* в первой группе греческих алфавитов), а также *I* и *W* > *Z* (в карийском имелись обе буквы, причем *W* лишь в некоторых архаичных надписях, обычно же *M* — см. выше; *Z* использовалось лишь изредка, будучи, возможно, заимствованием из греческого).

Как видим, Фридрих излагает материал так, что вниманье читателя оказывается сосредоточенным на наиболее важных моментах, если даже Фридрих самих

этих моментов и не всегда касается (поэтому в некоторых случаях к тексту Фридриха был бы желателен краткий комментарий). Из материала Фридриха с очевидностью следует, что связи между греческими алфавитами и алфавитами Малой Азии были гораздо глубже (обычно же в справочниках малоазийские алфавиты рассматриваются как простое ответвление греческих).

Именно потому, что малоазийские алфавиты могут пролить свет на начальные этапы эволюции греческого письма, на само происхождение буквенного письма, представляется недостаточным тот объем, который уделен в книге Фридриха малоазийским алфавитам. Требуется дополнительных комментариев раздел о фригийском ликийском, лидийском и особенно о карийском письме. Надо сказать, что и здесь Фридрих учел в какой-то мере новейшие работы, однако он ограничился приведением отдельных таблиц из этих работ, отказавшись от изложения основных положений авторов, что делает таблицы фактически непонятными.

Книга Фридриха едва ли устареет, во всяком случае в ближайшие десятилетия, — настолько тщательно и осторожно подан в ней эпиграфический материал.

Сейчас, когда на русском языке не существует ни одного пособия по истории письма, которое отвечало бы современному состоянию науки¹, перевод книги Фридриха на русский язык является настоятельно необходимым.

В. В. Шеворошкин

¹ Переведенная на русский язык книга Диригера «Алфавит» устарела уже к моменту сдачи перевода в печать, поэтому, чтобы хоть в какой-то степени привести материал в соответствие с современным состоянием науки, потребовался обширный комментарий редактора перевода.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ И ЗАКОНЫ ДРЕВНЕГО КРИТА

«The Law Code of Gortyn», ed. by R. F. WILLETTTS, B., 1967

Среди исторических источников памятники законодательства занимают особое место: они дают возможность понять в той или иной мере систему социальных отношений, определить характер права, отображающего и черты политического строя, представить себе специфику данного общества и степень его развития. Особенно важно наличие источников этого рода при изучении древних обществ. Достаточно сравнить положение в этом отношении исследователей древних государств Передней Азии (Вавилонии, Асси-

рии, Нового царства хеттов), от которых дошли обширные памятники законодательства, и, например, Египта догреческой эпохи, где таких памятников не сохранилось. Законы XII таблиц возмещают до некоторой степени скудость сведений по истории древнейшего периода Рима, а отсутствие сборника законов древних Афин в значительной мере затрудняет изучение их истории в VI—V вв. до н. э., несмотря на наличие ценных литературных источников.

Законы древнего Крита — гортинский

кодекс — «королева надписей» не только как эпиграфический памятник, но и по своему историческому значению. Вместе с другими многочисленными надписями городов Крита законы Гортины позволяют глубже взглянуть, в особенности по сравнению со скудными остатками литературной традиции, в жизнь населения острова, который играл заметную роль в истории греческих государств VI—II вв. до н. э. Результаты открытий Тенона, Альбера и др. и деятельность последующих исследователей гортинского кодекса много дали и для понимания общественного строя других государств Греции в древнейший период их развития. Поэтому нельзя не приветствовать новое издание этого памятника автором многих работ по истории древнего Крита, Р. Ф. Виллетсом, который справедливо отметил, что анализ содержания кодекса за последние полвека не получил такого развития, какого он заслуживает¹.

В рассматриваемом издании три части: 1) «Введение» (стр. 1—35), 2) текст и перевод законов (стр. 37—50) и 3) подробный филологический и исторический комментарий к ним (стр. 51—79). Во «Введении», сжато и очень содержательно, сначала излагается история открытия гортинской надписи, указываются особенности критского диалекта, дата и цель законодательства (§ 1—3). Далее обстоятельно характеризуется социальная система (§ 4), характер собственности, системы родства, наследования, брачные и внебрачные отношения, положение незаконных детей, усыновление (§ 5—9). В заключение рассматривается организация суда и дается краткий обзор содержания частей кодекса (§ 10—11). Издатель, естественно, широко использовал свои труды по истории Крита², а также обширную литературу предмета, как старую, так и новую. В связи с таким характером «Введения» находятся и построение и содержание комментария к отдельным статьям кодекса: автор, интерпретируя текст этих статей с филологической и исторической точки зрения, постоянно отсылает читателя к соответствующим страницам «Введения», где тот или иной вопрос рассматривается в систематическом контексте, что не мешает наличию в комментарии более подробных экскурсов по данному вопросу, уточняющих его постановку и разъясняющих детали в часто неясном и вызывающем

различные толкования тексте законов. При этом постоянно приводятся мнения исследователей, ранее издававших или изучавших кодекс (особенно — Дареста, Мерриэма, Гвардуччи, Томсона и др.). В общем все три части тесно связаны одна с другой и представляют стройное целое. В конце издания помещены 13 таблиц, дающих полное представление о состоянии отдельных частей кодекса и их последовательности, а также факсимиле и подтемы.

В каких же главных аспектах рассматривает Виллетс содержание кодекса и каковы его методические приемы? Как известно, в кодексе встречаются указания на законы, предшествовавшие его составлению, и, с другой стороны, на известные нововведения. Поэтому, естественно, встает вопрос о старом и новом в гортинском законодательстве, на что Виллетс обращает должное внимание как во «Введении», так и в комментарии. Однако его исторический подход к анализу права Гортины этим далеко не ограничивается. Разбирая ряд вопросов, затронутых в кодексе, он стремится дать ответ на них в широком историческом плане, характеризуя старинные институты, о которых свидетельствует источник, и показывая изменения их значения и функций в новой обстановке. Касаясь, например, тех частей кодекса, где говорится о наследнице и о праве *eriballontes* на брак с ней, Виллетс замечает, что нельзя понять значение этих статей, пока мы не усмотрим их относительную новизну на фоне старинной, но и позднее нормально существующей социальной практики³. В период составления кодекса право и государство заняли наступательную позицию по отношению к традиции, идущей от матрилокального обычая и матриархальной собственности. Мать ранее не только контролировала свою собственность, но разделяла ответственность и относительно собственности ее детей, тогда как теперь эта ответственность принадлежала исключительно их отцу (стр. 21; ср. стр. 22).

Возражая тем, кто склонен был рассматривать положение женщины в кодексе как выражение «просвещенного взгляда», Виллетс подчеркивает важное историческое значение соответствующих статей, сопоставляя порядки на Крите с тем, что было в Афинах VI в. до н. э. и в Спарте, констатируя, что перед нами три последовательных стадии в развитии собственности и положения женщины (стр. 23). В другом месте он снова утверждает, что правила относительно наследницы подвергались изменениям недавно, что сужение ее прав в пользу мужских

¹ Preface, C. VII.

² R. E. Willetts, *Aristocratic Society in Ancient Crete*, L., 1955 (далее — ASAC); он же; *Ancient Crete a Social History from Early Times until the Roman Occupation*, L., 1965 (далее — ACSH); он же, *Cretan Cults and Festivals*, L. — N.Y., 1962 (далее — CCF) и ряд статей.

³ Стр. 20 (ссылки на страницы без указания книги относятся к тексту рецензируемого издания).

родственников поддерживалось государством и что, очевидно, ожидалось попытки уклонения от этих правил (стр. 26). С этой точки зрения объясняется и институт *orphanodikastai*, являющийся плодом позднейшего развития (стр. 27, 2-й абз. св.), направленный против прав родственников со стороны жены и свидетельствующий об усилении государственной власти в ущерб племенным обычаям.

Значение клана снижалось с развитием большей независимости малой единицы — ойкоса. Первоначальная практика, засвидетельствованная в ранних надписях, в кодексе Гортины была изменена и получила иное значение. Нельзя было допускать, чтобы имущество выходило за пределы ойкоса. Поэтому изменилась и система усыновления (стр. 30). Вообще можно сказать, через все «Введение» проходит стремление его автора представить гортинское право не статически, но в процессе развития, данные о котором можно усмотреть в тексте законов, показать, как правовые племенные институты стали применяться в новой системе социальных отношений, характеризующихся социально-экономическим и политическим неравенством (стр. 10).

В связи с этим понятно, что автор часто использует этнографический материал, применяя сравнительно-исторический метод. Без таких понятий, как *фила* (племя, *φύλαξ*), *гетерия*, *клян*, *ойкос*, классификационная система родства, возрастные классы и т. п., без учета изменений в соотношении социальных групп и увеличения независимости малых единиц с развитием частной собственности и денежной экономики (*monetary economy*), нельзя понять правильно раннее законодательство. Автор не раз проводит параллели между системой кодекса и юридической системой Афин VII—VI вв. до н. э. (стр. 32) или данными, известными из Библии (стр. 24, 26), не говоря уже о сопоставлении с надписями Крита, свидетельствующими о более ранней стадии общественного развития (стр. 32).

При анализе такого памятника, как гортинский кодекс, главное внимание во многих публикациях и трудах по истории правовых институтов привлекали проблема раннего греческого права и выяснение особенностей критского диалекта и значения отдельных выражений, часто неясных. Помимо перевода и комментария давался иногда систематический очерк гражданского права по гортинской надписи⁴, специальные экскурсы посвящались тем или иным вопросам права, выяснились начатки судебной процедуры⁵,

определялась роль семьи в уголовном праве⁶ и пр. С другой стороны, ряд работ был посвящен сопоставлению критского диалекта с другими греческими диалектами, употреблению времен и наклонений, формам глаголов и т. д.

Никак нельзя сказать, что Виллетс пренебрегает этими сторонами исследования. И во «Введении» и особенно в комментарии он тщательно разрабатывает их, убедительно показывая необходимость тонкого и глубокого филологического исследования для правильного исторического понимания текста. Что касается права, то можно утверждать, что чуть ли не на каждой странице «Введения» или комментария ставится и решается та или иная юридическая проблема. Это объясняется не только характером источника, но и тем, что «юридической стороной исторического развития нельзя безаказанно пренебрегать», как мы читаем там, где Виллетс выясняет значение процедуры в кодексе на основании работы Хэдлэма⁷. Для автора характерно сочетание исторического и филологического метода. Говоря об изучении различных форм зависимости на Крите, о которых сообщают Афиной, Страбон и другие, он настаивает на необходимости изучать эти формы в свете исторического развития, так как нет смысла в сопоставлении одного сообщения с другим, если при этом не учитывать ход исторического процесса (стр. 16). Чисто этимологический подход (*arguach*) также не оправдывает себя. Но при соблюдении указанного требования филологический анализ часто оказывается чрезвычайно плодотворным и вносит много нового в понимание отдельных статей⁸.

Но, помимо этого, следует отметить другую характерную черту в подходе Виллетса к источнику: право все время рассматривается им на фоне социально-экономического процесса. Информация о классах, замечает он в начале параграфа о критской социальной системе, необходима для понимания значения законодательства (стр. 10). Этот социальный аспект присущ всем рассуждениям автора. Упадок племенных институтов и в то же время их функционирование в новой исторической обстановке, преобладающая роль мужчины в праве этого времени, пришедшая на смену обычаям времени матриархата, развитие частной собственности, экономики, связанной с ростом обмена и денежного оборота, позиция

⁴ J. Kohler und E. Ziebarth, Das Stadtrecht von Gortyn, Göttingen, 1912.

⁵ J. W. Heddiam, The Procedure of the Gortynian Inscription, JHS, 13, 1893.

⁶ G. Glotz, La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce, P., 1904.

⁷ Стр. 33; см. Heddiam, ук. соч., стр. 48.

⁸ См. комментарий к IV, 33—35; I, 35—39 и др.

государства по отношению к этим изменениям, поскольку она отражается в законодательстве, — вот собственно те моменты, которые доминируют в интерпретации Виллетса источника и помогают понять и объяснить детали юридического характера.

Исторический подход, использование сравнительно-исторического материала, преобладающее внимание к процессу социально-экономического развития и в то же время детальный разбор текста с филологической и юридической точки зрения представляют собою характерные и заслуживающие высокой оценки черты нового издания кодекса.

Остановимся на вопросе о том, как Виллетс решает две главных проблемы на материале этого кодекса: на вопросе об основных чертах социального строя Крита и о характере и эволюции правовых институтов, о которых говорится в законах Гортины.

Социальный строй Крита Виллетс рисует в следующих чертах. Перед нами классовое общество, но племенные институты продолжают в нем функционировать, хотя их относительное значение и самый характер изменились в соответствии с развитием новых социально-экономических отношений. Наряду с филлой (φυλή), гетерией (группой фратрий), кланом (σπάρτες) все большее значение приобретает familia (οἶκος), что является следствием развития частной собственности и усиливающегося преобладания мужчин. Существует четыре класса: граждане, апетайры (ἀπεταίροι), сервы и рабы. Привилегированный класс граждан составляет правящую землевладельческую аристократию. Граждане делятся на возрастные группы, организованные в агелы до определенного возраста (20 лет?), а по достижении этого возраста считаются взрослыми (δρωρέες), имеют право упражняться в общественном гимнасии, входят в мужские дома. Гетерия — замкнутая организация граждан-мужчин (в состав филы входили и женщины), которые участвуют в общих трапезах (сисситиях). Племенная эндогамия теперь направлена к удержанию собственности внутри узкого круга привилегированных, т. е. граждан. Малая единица (οἶκος) становится все более независимой внутри клана. Все, не являющиеся членами гетерий, принадлежат к классу апетайров, состав которого по происхождению различный — в него входят жители подчиненных общин (перизки), сыновья гражданина и рабыни и т. д.

Среди зависимых людей можно отличить два статуса — сервов и рабов. Существование этих статусов связано со смешанным характером экономики: хозяйством на земле и, с другой стороны, развитием денежного обмена (стр. 17). Сервы, обрабатывающие землю, — войкеи или клароты. В додорийский период кла-

роты представляли собою крестьян, которые использовали землю в своих интересах (стр. 12). После прихода дорян последовал раздел земли и этого крестьянства, оказавшегося теперь в зависимости (the attached peasantry), в равных долях между членами кланов. Крестьяне, обрабатывающие землю, как и сама земля, были антропопривилегированы правящей аристократией. Однако Виллетс допускает, что критская система зависимости (bondage) не была внесена дорянами, а сложилась еще в эпоху бронзы (стр. 13). Позднее (к началу V в. до н. э.) рост значения ойкоса внутри клана имел то последствие, что собственность на имущество с находящимися в них сервами оказалась связанной с более узким кругом родства. Социальная система Крита — это «патриархальное рабовладельческое общество» (стр. 13: patriarchal slave-society), основанное на присвоении непосредственных средств существования. Сисситии (общие трапезы) служили государству средством взыскания дани (tribute) в виде натуральной ренты, дополняемой в ходе развития обмена денежной. По мнению автора, подобная система в своей основе (basically) не отличалась от системы эпохи Гомера.

Сервы (войкеи) могли владеть домами, в которых они жили, и тем, что в них находилось, — эти дома и имущество, прибавляет автор, так же как и сами сервы, составляли часть имущества. Сервы владели также скотом, деньгами. Они могли вступать в брак с войкеей и со свободной женщиной. Если не оставалось наследников владельцев имущества (сыновей и родственников в пределах клана), они вступали во владение имуществом (стр. 15).

Статус собственно рабов (chattel-slaves) иной: купленные на рынке, они рассматривались как имущество, ни о владении имуществом, ни о браке со свободными по отношению к ним нет речи. Правда, терминология законов не точна, и термин δοῦλος в них применяется и тогда, когда имеются в виду войкеи, но неясность терминологии, как полагает Виллетс, не означает отсутствия различия в статусе. Было бы неверно думать, что всюду говорится лишь об одной категории зависимых людей, как думали Липсигус, Финли и др.⁹ Различие между двумя статусами основывалось на различии экономической формы зависимости — на противоположности хоры и денежного рынка (стр. 17). В связи с вопросом о «денежной экономике» Виллетс указывает на то осо-

⁹ Стр. 14, прим. 73; R. Willetts, The servile system of ancient Crete: a Reappraisal of the evidence, GERAS Studies presented to G. Thomson, Prague, 1963 (далее — SS), стр. 265, прим. 42.

бое положение, в котором находились рабы, купленные на деньги (*χρυσώνητοι*)¹⁰.

В области права наиболее подробно рассматриваются в связи с теми тенденциями исторического развития, о которых говорилось выше, следующие вопросы: положение наследниц, судьба имущества в случае смерти мужа, положение детей в различных случаях и, в частности, при заключении смешанных браков. Обычай при заключении брака важен, так как он дает возможность понять систему держания и наследования. В них сохраняется матриархальная традиция. Из статей, в которых речь идет о наследнице, видно, что на Крите действовало правило племенной эндогамии. В связи с этим Виллетс привлекает, как ранее Томсон, этнологический материал о классификационной системе родства¹¹. Сопоставить представление о существовавшем тогда порядке помогает и терминология кодекса. Пережитком классификационной системы, в частности, являются два дополняющих друг друга термина — *ἐπιβύλλοντες* и *καθεσταί*, обозначающие родственников в двух различных кланах. Эти кланы были двумя экзогамными группами, представители которых заключали браки между собой внутри племени (племенная эндогамия).

В положении женщины по законам Гортины, в ее владельческих правах, в законодательстве о наследнице Виллетс отмечает новшества по сравнению со старинной практикой. В постановлениях о наследнице он усматривает, как было сказано, выражение одной из трех последовательных стадий изменений в положении женщины: в Спарте, на Крите, в Афинах. В этих постановлениях древнее правило экзогамии (муж и жена из разных кланов) уже не имеет места: возникает брак между членами одного клана (стр. 23). Обычай экзогамного брака, а вместе с ним и свобода женщины были принесены в жертву интересам мужчины и развивающейся частной собственности, стремлению сохранить собственность в патриархальной семье¹².

Как метод автора во «Введении» и комментарии, так и его выводы вызывают большой интерес. В целом рецензируемое издание несомненно представляет новый шаг вперед в изучении столь важного, но часто и столь трудного для понимания памятника, как законы Гортины. Констатируя это, мы хотели бы вместе с тем высказать некоторые соображения от-

носительно направления, в котором, как нам кажется, могло бы пойти в дальнейшем изучение кодекса, а также и пожелания, направленные к автору текста настоящего издания.

Мы уже отмечали, какое важное значение придает Виллетс ходу экономического развития и как удачно во многих случаях он показывает это значение. Однако в этом отношении его общая формула (стр. 13) требует известного уточнения. Следует, конечно, согласиться с тем, что исторический процесс развития городов-государств древней Греции был связан с ростом товарного производства, но едва ли можно говорить о «денежной экономике» греческого общества уже в начале V в., о том, что производство меновых стоимостей вытеснило производство потребительных стоимостей¹³. Даже в эллинистическую эпоху, когда товарное производство получило новый могучий толчок в своем развитии, оно не охватывало в полной мере всю хозяйственную жизнь греческих государств¹⁴. Тем осторожнее приходится говорить о «денежной экономике» того времени, когда только началась чеканка монеты. Да автор и сам пишет о последующем развитии товарного производства (стр. 13).

Вопрос о характере социально-политического строя полисов Крита также нуждается в некоторых разъяснениях. В своих трудах Виллетс характеризует критское общество как аристократическое. Что это значит? Ответ мы находим в статье «Рабская система древнего Крита»¹⁵, где это общество отнесено ко второй фазе античного греческого общества, «традиционно описываемого как монархия, аристократия, тирания и демократия». В то время как Спарта, писал Виллетс, прочно сохраняла элементы, характеризующие первую фазу, т. е. монархию, Крит твердо продвинулся ко второй фазе. Естественно встает вопрос, совпадает ли понятие аристократического общества у древних греков с содержанием этого термина, употребляемого в современности, и правильно ли вообще его применение к Криту.

Кого из авторов имел в виду Виллетс, говоря о традиционном описании, неясно. Судя по одной из глав его другого труда¹⁶, — Аристотеля, Эфора, Полибия. Но дело в том, что как бы ни понимали в древности термин аристократия (*ἀριστοκ-*

¹³ Стр. 13: In consequence the production of exchange values superseded the production of use values.

¹⁴ М. К. Трофимова, Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.), ВДИ, 1961, № 2, стр. 56 слл.

¹⁵ Wille t t s, SS, стр. 257 слл.

¹⁶ ACSH, гл. IV, стр. 56 слл.

¹⁰ Ср. R. F. Wille t t s, *Χρυσώνητος*, «Glotta», XXXIX, 1960, Н. 1/2, стр. 71—73.

¹¹ Стр. 18—20; ср. G. Thom s o n, *Studies in Ancient Greek Society*, v. I, L., 1949.

¹² Стр. 24. Thom s o n, ук. соч., стр. 139. Виллетс повторяет слова Томсона.

ρατῖα), — а его понимали различно: как правление знатных, как правление богатых или, наконец, как правление лучших в нравственном отношении людей¹⁷, — его употребляли, имея в виду не господство над зависимыми людьми или рабами, а государственное устройство полиса, т. е. круг гражданства: аристократия, олигархия или монархия и т. д. отличались тем, какие элементы гражданства пользовались участием в государственной власти, а вовсе не тем отношением, которое гражданство имело к зависимому населению. В противном случае, т. е. если понимать аристократию как господство меньшинства (определенного класса) над большей частью населения, все полисы древней Греции, включая самые демократические, надо признать аристократическими государствами. Даже в Афинах в пору существования радикальной демократии гражданство составляло меньшинство всего населения. Между тем Виллетс под аристократией на Крите понимает граждан полиса, владевших землей (landlords) и людьми, обрабатывавшими ее¹⁸.

С этим соображением связано и другое. Характеристика социальных отношений по законам Гортини у Виллетса сводится в основном к положению о том, что господствовала землевладельческая аристократия, земли которой обрабатывали войкеи. Вместе с тем развивалось и покунное рабство (chattel-slavery) в связи с ростом товарного производства. Существовали два статуса зависимых людей. Виллетс подчеркивает отличие войкеев от покунных рабов, пользуется по отношению к первым термином «серв», т. е. крепостной, хотя, как он сам указывает, в законах Гортини не раз применяется термин «раб» и в тех случаях, когда имеется в виду войкей (стр. 14, 15, 58).

Но действительно ли в этих законах (и вообще в Гортине) перед нами лишь два статуса зависимых людей? Нам думается, что Виллетс допускает в этом вопросе некоторое упрощение. В Греции существовали различные формы зависимости, для обозначения которых применялись, слова с корнем δουλ- (οζ), получившие более широкое значение несвободы, т. е. формы зависимости с применением внеэкономического принуждения. Поэтому, как нам кажется, следует строить классификацию форм зависимости, определяя по возможности полно и точно те признаки, которые присущи каждой из них, и различая понятия, которыми мы опе-

рируем, интерпретируя исторический материал, от тех понятий, которые были у древних две — две с половиной тысячи лет тому назад. Утверждение Виллетса, что не было ясного разграничения в терминологии (термин δουλος обозначал и покунного раба и войкея), но что существовали два различных статуса — покунных рабов и войкеев — представляется недостаточно полным. Неясность или многозначность терминов свидетельствует иногда о том, что и статусы не были резко разграничены, что происходил процесс дифференциации различных форм зависимости, охватываемых еще одним общим термином.

И войкеи и покунные рабы в Гортине были δουλοι, имевшие своих владельцев (πάσται). Однако их положение в производстве было различно: войкеи обрабатывали землю, которая была дана вместе с ними государством для владения и использования (но не в собственности) полноправным гражданам. Последние могли продать войкею — да и то с соблюдением известных условий — только в том случае, если тот сделал попытку бежать от них. Положение в производстве, т. е. некоторые классовые признаки, оказало влияние и на их статус. Покунные рабы появились позднее, и их в VI — начале V в. до н. э. было, вероятно, немного.

Соображения Принсгейма, которые принимает Виллетс, относительно различия между обменом и покупкой на деньги интересны, хотя одно из сопоставлений Виллетса, как нам кажется, нуждается в уточнении. Виллетс приводит слова из трагедии Софокла «Царь Эдип»: ἦ, δουλος οὐκ ὄνητός, ἀλλ' οἵμοι τραφεῖς¹⁹, указывая, что первый эпитет (ὄνητός), в особенности в той форме, в какой мы его находим в сообщении Каллистрата у Афиня, свидетельствует о худшем положении (обладает pejorative force) покунных рабов по сравнению с туземными²⁰. Вообще говоря, действительно, в древности различие между покунными рабами и «рожденными» или «вскормленными в доме» существовало (ср., например, θρεπτοί в эллинистическо-римской Малой Азии), хотя не везде и не всегда. Статус «доморожденных» (οἰκογενεῖς) в дельфийских манумиссиях был, очевидно, такой же, как и рабов покунных. Определяющим моментом, по-видимому, был не способ возникновения статуса, но производственный признак. Так и у Софокла раб, вскормленный в доме, большую часть жизни провел в уходе за стадом, пребывая вместе с ним (ἐδούλος ὦν) на Кифероне и окрестных местах²¹. Купленный раб, посаженный на землю, во многих случаях, вероятно, мало от-

¹⁷ Th u c., III, 82; P l., Politicus, 301 a; Arist., Pol. 1293 b, 1 слл.

¹⁸ Ср. критику теории «гомеровского феодализма» и, в частности, замечания о взглядах Томсона и Виллетса в статье: Ю. В. Андреев, Мужские союзы в поэмах Гомера, ВДИ, 1964, № 4, стр. 39, прим. 10.

¹⁹ Soph., O. T., 1123.

²⁰ Стр. 16: the native country-dweller.

²¹ Soph., O. T., 1125—1127.

личался от «серва», если пользоваться терминологией Виллетса.

Финли, следуя за Лепенусом, утверждал, что в законах Гортныи есть лишь один статус — статус рабов ($\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$). Виллетс полагает, что были лишь два разграниченных статуса. Нам представляется, что действительно существовал один общий статус зависимых людей ($\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$), но в его рамках было несколько подразделений, или — применяя термин, обычный в символической логике, — в этом множестве $\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$ было несколько подмножеств с различными юридическими и социально-экономическими признаками: покупные рабы, войкеи, $\kappa\alpha\tau\alpha\zeta\epsilon\iota\phi\epsilon\nu\omicron\iota$, т. е. заложившие себя, отдавшие себя в рабство, $\nu\epsilon\nu\tau\alpha\mu\epsilon\nu\omicron\iota$, т. е. обращенные в рабство по суду за неотдачу долга, может быть, государственные рабы. Если с точки зрения древнего законодателя все они были рабами ($\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$), то для нас важен не только этот их общий статус, очевидно, часто не совпадающий с понятием «раб» у современного исследователя, но вся совокупность признаков, характеризующих каждую форму зависимости.

Основным делением общества в Гортныи по юридическим признакам является деление на $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\iota$ (свободных) и $\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$ (зависимых от своего владельца) ($\pi\acute{\alpha}\sigma\tau\alpha\varsigma$) людей²². Но формы этой зависимости были многообразны. Уже в первых статьях кодекса, в которых речь идет об установлении статуса человека — является ли он свободным или зависимым — и запрещается его «уводить» ($\acute{\alpha}\gamma\epsilon\nu$) до судебного разбирательства, имеются лишь эти две категории ($\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\iota$ и $\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$). В статьях о пениях за насиле (II, 2—19) «свободным» противопоставляются уже апетайрой и ряд других категорий, которые, судя по первым статьям, охватываются понятием $\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$, но в различной степени зависимости (войкеи и домашняя рабыня ($\epsilon\nu\delta\omicron\theta\iota\delta\iota\alpha\ \delta\tilde{\omega}\lambda\alpha$), $\delta\tilde{\omega}\lambda\alpha$ $\delta\epsilon\delta\alpha\mu\nu\alpha\mu\epsilon\nu\alpha$). В статьях о прелюбодеянии (II, 20—45) различаются следующие участники его: свободные, апетайры, рабы ($\delta\tilde{\omega}\lambda\alpha$ и $\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\varsigma$). Виллетс считает, что здесь нельзя иметь в виду покупных рабов, так как они не могли вступать в брак. Однако он исходит при этом из понятия раба, характеризующего последующее развитие, а это понятие (и соответствующее отношение) могло еще и не существовать в эпоху ранней кодификации. Скорее можно предположить, что в это время в категорию $\delta\tilde{\omega}\lambda\omicron\iota$ входили все разряды зависимых людей. Ха-

рактерно, например, что в случае повторного насилия над рабыней устанавливается для виновника ничтожный штраф в один и в два обола, и в то же время решающим здесь является клятва этой рабыни²³. Нет твердого основания считать, что раб (даже и покупной) в этот период не мог вступать в брак, поскольку он рассматривался уже якобы только как вещь.

Виллетс называет статус сервов «промежуточным» между статусом свободного гражданина и статусом раба (стр. 16). Употребление этого термина идет из древности (Ролух, III, 83). Древние имели перед глазами противоположность между так называемым античным рабством и полноправным гражданством полиса. Поэтому, когда они встречались с такими формами зависимости, в которых не все признаки, присущие первой из этих двух категорий, были налицо, им казалось, что это — промежуточное состояние полусвободы, полурабства — $\mu\epsilon\tau\alpha\zeta\epsilon\upsilon\ \epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omega\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\omega\nu$, хотя нередко соответствующее отношение при этом характеризовалось все же как рабство. Подобный взгляд существует и в современности, когда интересующие нас формы определяют как неразвитое рабство (например, в Индии или в Спарте). Термин «промежуточный» как бы побуждает вместо попытки строго различать те или иные формы зависимости скорее их смешивать, объединять общим понятием, которым обычно и является понятие рабства.

Касаясь важной статьи в законах Гортныи, где говорится о судьбе имущества ($\kappa\rho\tilde{\iota}\mu\alpha\tau\alpha$) при отсутствии как ближайших, так и более отдаленных родственников умершего владельца, Виллетс защищает мнение, много раз высказанное в литературе о кодексе, а именно, что права наследования в этом случае переходят к коллективу войкеев (кларотов). При этом он исходит из положения, что $\epsilon\pi\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$, упоминаемые в этой статье, — это члены клана (стр. 15). Однако трудно представить, чтобы уже в это время Гортныи так страдала от малолетства, что ни одного члена клана могло не оказаться в живых. Рассматривая в комментариях взгляды Мерриэма, де Санктиса и Гвардуччи, Виллетс пишет, что аргумент последней (приведенный им на стр. 66) представляется ему ошибочным и отсылает читателя к «Введению» (стр. 15), но и там мы не находим опровержения взглядов названных ученых. Виллетс замечает лишь, что нерасположение принять предлагаемую им (и его предшественникам) интерпретацию распространилось бы более широко, если бы подобная ситуация, т. е. освобождение рабов и переход к ним права владения, в греческой древности была уникальной. По его мнению, это не так: хотя мы и не мо-

²² К. М. Колотова, Войкеи на Крите, ВДИ, 1957, № 2, стр. 25, со ссылкой на А. С. Мерриэма (Law Code of the Kretan Gortyna, AJA, 1, 1885, стр. 343).

²³ II, 15—16: $\omicron\rho\kappa\iota\omicron\tau\epsilon\rho\alpha\nu$ $\delta'\epsilon\mu\epsilon\nu$ $\tau\alpha\nu$ $\delta\tilde{\omega}\lambda\alpha\nu$.

жем точно определить статус новых наследников-сервов в Гортине, не имеющих владельца (πάστας), все же известное подтверждение предложенной интерпретации мы находим, сравнивая спорную статью (V, 25—28) в кодексе с тем, что известно о выступлении рабов в Аргосе в начале V в. до н. э. и о спартанских неодамодах в конце V—IV вв. до н. э. Судьбе тех и других автор посвятил две интересные работы²⁴.

Однако аналогии, которые Виллетс приводит для подтверждения своей точки зрения, не очень убедительны. В рассказе о том, как рабы в Аргосе после битвы при Сени захватили власть — если и не входят в рассмотрение вопроса о степени его достоверности, — речь идет вовсе не о наследовании имущества в результате отсутствия родственников²⁵. Также едва ли подходит и сопоставление со спартанскими неодамодами, т. е. с плотами, получившими освобождение от трибута, который обычно обязаны были нести плоты и, по мнению Виллетса, вместо этого служившими в войске. Ведь и в этом случае обстановка и условия владения землей иные. Это владение связано с освобождением плота от власти спартаната, со вступлением его в состав демоса (но не гражданства), тогда как в законах Крита об освобождении войкеев нет ни слова. В статье кодекса говорится лишь о передаче наследственных прав на имущество (κρήματα).

Гвардуччи понимает интересующую нас статью иначе. Она относит слово *Φοικίας* (V, 25—27) к *ἐπιβάλλοντες*, ставя после *Φοικίας* запятую, а под κлером (κλῆρος) в следующей строке понимает, как и де Санктис, «совокупность владельцев того округа, где находилось недвижимое имущество, которым владел покойный». Таким образом, для понимания рассматриваемой статьи приходится решать вопрос: был ли κлер (в том значении, в котором это слово употреблено здесь) совокупностью членов войкии или обозначал более широкий круг владельцев.

Подробный разбор спорного текста дала К. М. Колобова в интересной статье «Войкеи на Крите» (стр. 29 сл.). Она убедительно показала, что запятая после слова τῶς *Φοικίας*, поставленная Гвардуччи, приводит к затруднениям: *ἐπιβάλλοντες* войкии уже были перечислены в предшествующих строках текста; во всем тексте кодекса, где этот термин встречается 28 раз, нигде нет его уточнения; если же принять, что здесь говорится об *ἐπιβάλλοντες* τῶς *Φοικίας*, то следовало бы ожидать, что в другом слу-

чае мы должны были бы встретить *ἐπιβάλλοντες τοῦ γένους* и т. д.²⁶ К. М. Колобова не согласна с мнением Виллетса, что «сервы» — это принадлежность ойкоса, как и κлер. Клароты не тождественны с войкеями и обозначают рабов частных лиц, обрабатывавших землю уже в тот период, когда частная собственность получила большее развитие²⁷. Войкеи же, по ее мнению, связаны с существованием большесемейной общины, в которую входили две части (μέρη), согласно Аристотелю: как свободные, так и зависимые люди. Контроль над теми и другими принадлежал главе общины, являвшемуся по отношению к войкеям их владельцем (πάστας). Войкеи были основными непосредственными производителями большесемейной общины, будучи младшими членами ее, они и составляли κлер войкии. Тесной связью зависимых, но пользовавшихся в экономическом отношении самостоятельностью войкеев с войкией объясняется, по мнению автора статьи, и право наследования имущества, когда вымпрает весь род. «Однако, — продолжает К. М. Колобова, — в качестве наследников выступали не отдельные войкеи, но войкии в целом как община (ср. *ἐκεῖν* гортинского закона, т. е. «владеть землей (на прежних основаниях)»²⁸).

Статья К. М. Колобовой вносит много нового в понимание греческого ойкоса, в частности в изучение связи войкии с непосредственными производителями, входившими в нее как ее члены, хотя и подвластные главе общины. Однако ее толкование спорного текста является также лишь одной из гипотез, поскольку о формах собственности в рассматриваемую эпоху сохранились лишь скудные сведения. Если даже существовала передача имущества войкии, то это еще не означало владения землей: *ἐκεῖν* (см. приведенную выше цитату из статьи Колобовой) относится только к имуществу (κρήματα), а не к праву «владеть землей (на прежних основаниях)»²⁹.

Κρήματα (имущество) — термин, более 40 раз встречающийся в кодексе. В состав этого имущества входят домашний скот, плоды, одежда, украшения, дома в городе (στέραι)³⁰. Не раз *κρήματα* противопоставляются деньгам (*ἀργύριον*). Никогда не говорится в связи с *κρήματα* о земле, которая, очевидно, не входит в это понятие. Между тем, при толковании интересующего нас текста (V, 25—28) исследователи незаметно пе-

²⁶ К о л о б о в а, ук. соч., стр. 31 сл.

²⁷ Там же, стр. 37.

²⁸ Там же, стр. 44.

²⁴ R. F. Willets. The servile Interregnum at Argos, *Hermes*, V. 87, N. 4, 1959, стр. 495—506; он же, *The Neodamodes*, «Cl. Phil.», XLIX, 1954, стр. 27—32.

²⁵ Herod., VI, 77, 83.

²⁹ Ср. Л. Н. К а з а м а н о в а, Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э., М., 1964, стр. 86.

³⁰ IV, 32—35.

переходили от вопроса о передаче имущества к вопросу о передаче земли.

Отметим также различное понимание войкии. Для Виллетса войкия (ойкос) представляет ту малую единицу, значение которой возрастает с развитием частной собственности. Колобова называет войкию большесемейной общиной, существование которой неразрывно связано с семейно-родовым владением землей при отсутствии частной собственности³¹. Однако, как бы ни понимать отношение войкеев к земле, о переходе ее к ним в кодексе ничего не говорится.

В этой связи хочется напомнить соображения Виллетса по другому поводу — относительно первоначального значения терминов *ἐπιβάλλοντες* и *καθεσταί* в древней классификационной системе родства (см. выше, стр. 155). Эти соображения заслуживают внимания. Но в период кодификации в Гортине, как это отмечал и сам автор, принцип брака между экзогамными кланами был нарушен, и во всем кодексе термин *επιβαλλοντες* имеет значение или «законных наследников» (*heirs-at-law*), или тех, кто имеет право жениться на наследнице. Так и войкия, если она возникла так, как объясняет Колобова, в эпоху кодекса представляла уже нечто иное. В этом отношении Виллетс, кажется, более прав, настаивая на том, что возрастающее влияние ойкоса — следствие новой исторической обстановки: развития частной собственности и упадка старинного родового строя.

В общем же, несмотря на интересные попытки истолковать спорный текст, ни одну из предложенных интерпретаций еще нельзя считать окончательной.

Как во «Введении», так и в комментариях к законам Виллетс не проводит строгого различия между понятием категории населения, определяемой юридическими признаками (т. е. статусом) и понятием класса, не рассматривает вопроса о том, совпадают ли соответствующие группы населения и в какой мере в данный период. Кто такие, например, были апетайры в Гортине — единое сословие или класс?

Так же как и свободные граждане, составившие правящий класс «лэндлордов, из которых комплектовалась правящая элита»³², апетайры именуется классом. Это был «особый класс» (*a distinct class*) (стр. 12), который охватывал всех, не входивших в гетерию. Апетайры не пользовались политическими правами, имели относительно свободный экономический статус, поскольку, по крайней мере, они не были ни зависимыми людьми (*bonds-men*), ни покупными рабами. Очевидно, что, давая такое определение, автор не имел в виду понятие класса, обычное в марксистской литературе, скорее, это

категория населения с определенными юридическими признаками. Действительно, из дальнейшего изложения, в котором тщательно рассматриваются скудные по этому вопросу данные, сохранившиеся в источниках, следует, что, по мнению Виллетса, в состав этой категории входили, вероятно, граждане подчиненных полисов (перизки), клароты, получившие клер ввиду отсутствия наследников, граждане, лишённые по тем или иным причинам политических прав, сыновья гражданина и рабыни, дети свободной женщины и войкея. Но очевидно, что все они занимали, вероятно, различное место в процессе производства, имели различное отношение к средствам производства и не составляли единого класса. С другой стороны, Виллетс не решается причислить к апетайрам вольноотпущенников и метеков, которые в последнем отношении были сходны друг с другом: они занимались ремеслом. При этом и статус их был несколько иной: они жили в Гортине в особом квартале — Латосии, их движение и экономическая деятельность были несвободны³³. Они не были рабами, но обязаны были некоторого рода принудительными работами. Здесь не место входить в подробности относительно этой гипотезы³⁴. Но если и стать на точку зрения Виллетса, то вольноотпущенники и метеки составляли, таким образом, категорию населения с определенными юридическими и экономическими признаками, чего нельзя сказать относительно всех других составных частей «класса» апетайров. Но тогда приходится признать, что и в том смысле, в каком говорится о четырех классах у Виллетса, этих классов было не четыре, а больше.

Из более частных вопросов остановимся на следующих. В своем «Введении» Виллетс использовал, как уже было упомянуто, произведение, очень ярко характеризующее идеологию воина на Крите VI в. до н. э., а может быть, и более раннего времени, — поэму Гибриаса. Виллетс видит в ней выражение патриархальных отношений между представителями правящей аристократии и зависимыми сервами, взаимные связи обязательств и верности. Он сравнивает эти отношения с отношениями между Одиссеем и Эвмеем или между Телемахом и Эвмеем. Сравнительно с положением в других полисах Греции, где демос выступал против знати и где возникла угроза установления тиранши, на Крите господство землевладельческой аристократии прочно и не внушает ее представителю никаких опа-

³³ ACSH, стр. 108; ASAC, стр. 45 слл.

³⁴ См. убедительную критику взгляда Виллетса по вопросу о ремесленниках Ю. В. Андреева, К вопросу о так называемых «вольноотпущенниках» на Крите, ВДИ, 1963, № 4, стр. 116—127.

³¹ Колобова, ук. соч., стр. 36.

³² ACSH, стр. 85.

сений³⁵. Однако Виллетс счел нужным указать, что отношения на Крите рисуются не так идиллически, как у Гомера. Но важнее другое, а именно, что нельзя сравнивать отдельные отношения зависимости, взятое изолированно, вне связи с определенной правовой системой и состоянием государственности.

Мы уже высказывали ту мысль, что рассмотрение лишь формы эксплуатации в отрыве от политической системы приводит к утрате специфики социальных отношений, их исторического характера, поскольку сходные формы зависимости могут встречаться в различных общественных системах. Политическая организация и правовая система в докапиталистических обществах являлись выражением экономики того времени, в организацию которой всегда входило как необходимый элемент применение внеэкономического принуждения, а формы последнего определялись юридической системой³⁶. Эти формы зависимости подразделяют, помимо экономического, еще и личное правовое отношение, которое не просто вытекает из экономического положения: то и другое не покрывают друг друга³⁷.

Государство на Крите VI — начала V в. до н. э.³⁸ — это все же уже не те формы политической жизни, о которых мы узнаем из поэм Гомера, не говоря о сложном вопросе, к какому времени можно отнести те или иные картины, рисуемые поэтом. Ведь и сам Виллетс, сопоставляя политическую систему Крита с положением в Спарте, отмечает существенные отличия: развитие городов, устранение монархии, начало чеканки монеты, кодификацию права³⁹. Но и Спарта пред-

ставляла в свою очередь уже новую стадию политического развития, чем та, о которой свидетельствуют поэмы Гомера.

Автор «Введения» и комментария несколько бегло, на наш взгляд, касается вопроса о различных категориях зависимых людей, о которых сохранились сведения в литературной традиции, но которые не упоминаются в кодексе. За исключением *χρῆσθῶντες*, все они, по мнению Виллетса, первоначально относились к сервам (стр. 16). Однако различные термины, обозначающие рабов на Крите, передаваемые Афинеем и другими авторами, едва ли правильно рассматривать изолированно, вне контекста. В этом отношении как здесь, так и в некоторых других случаях желательно, чтобы автор в своих интересных сопоставлениях уделял большее внимание характеру и значению тех источников, которые он сопоставляет.

Выясняя значение термина *epiballontes* (стр. 12) и считая, что за исключением того случая, когда дело шло о наследнице, этот термин обозначал родственников в той или иной степени родства, Виллетс ссылается на Геродота (Нер., IV, 115) и евангелие от Луки (Luc., 15, 12). Но едва ли эта ссылка может быть полезной для выяснения смысла термина в критском кодексе начала V в. до н. э., тем более, что слово *ἐπιβάλλειν* встречается у Геродота не только в указанном месте.

Высказанные соображения ни в какой мере не имеют целью снизить значение нового монументального издания законов Гортины. Нам хотелось лишь отметить, что интерпретация кодекса в некоторых отношениях еще остается спорной. Однако если в дальнейшем и будут предложены иные выводы по тем или иным вопросам социальной и правовой истории Крита на основании материала гортинского кодекса, то, делая эти выводы, исследователь не сможет не учитывать как отдельных положений, к которым пришел Виллетс, так и той яркой общей картины этой истории, которую он нарисовал и в своих прежних трудах и во «Введении» и комментарии к новому изданию законов древней Гортины.

К. К. Зельин

³⁵ Стр. 14; ACSH, стр. 12; CCF, стр. 317 слл.

³⁶ К. К. З е л ь и н, Принципы морфологической классификации форм зависимости, ВДИ, 1967, № 2, стр. 21—23.

³⁷ P. L o t z e, ΜΕΤΑΞΥ ΕΛΕΥΘΕΡΩΝ ΚΑΙ ΔΟΥΛΩΝ, В., 1959, стр. 64.

³⁸ Виллетс в других своих трудах очень обстоятельно характеризует политическое устройство полисов Крита — ACSH, стр. 70 слл.; ASAC, стр. 103 слл.

³⁹ ACSH, стр. 59.

«*Verbannung und Heimkehr. Beiträge zur Geschichte und Theologie Israels im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr.* W. Rudolph zum 70. Geburtstag dargebracht», Tübingen, 1961, 334 стр.

Рецензируемый сборник посвящен известному немецкому библисту В. Рудольфу, перу которого принадлежат фундаментальные работы о послепленных книгах Ветхого завета. Однако тематика сборника определена не только кругом научных интересов юбиляра. Она соот-

ветствует возросшему в последнее время интересу к «темному» периоду (VI—V вв. до н. э.) в истории Иудеи.

В сборнике помещено 16 статей, авторами которых являются такие крупные специалисты, как Фр. Баумгартель, К. Эллигер, К. Галлинг, Фр. Хорст,